

Боб ван Лэрховен,

*Terug naar Hiroshima – Возвращение в
Хиросиму*

Tr. Larisa Biyuts

Перевод Ларисы Биютц

I

*Хиросима – Исламский Центр Дамбра –
Мицуко – 10 марта 1995 года*

Рокуробеи охотится по ночам. Не стоит недооценивать могущество этого демона. Становится слишком поздно тогда, когда его жертвы слышат звук его шагов и видят его длинную шею. Он соблазняет, если может, и убивает, если должен. Хотя его прозвище было *Аонобо*, когда я была ребенком, то есть поющий дух женского рода, который посещает покинутые императорские дворцы, было бы ошибкой упустить из виду истинную природу той змеиной шеи.

Мне остается только надеяться, что *Рокуробеи* не найдет меня. После побега с острова Хашима, я остановилась в Нагасаки только на пару дней, притворившись дочерью *хибакуша*, выживших после взрыва атомной бомбы во время Второй Мировой Войны, чтобы объяснить мою бросающуюся в глаза внешность. Моя история выглядела вполне правдоподобно: мои родители были лишь немного старше младенческого возраста, когда совершился взрыв той бомбы, и радиация повергла их эндокринную систему в хаос, оставив мне наследственный генетический порок. Видевшие меня люди предпочитали быть вежливо сочувствующими, а некоторые осторожно замечали, что я выгляжу явно как типичная *хибакуша* второго поколения.

К счастью, у меня было с собой достаточно денег взятых с острова. Я даже ухитрилась бесполезно потратить и время и деньги в первые два дня, что могло быть результатом почти

двадцатилетнего пленения на «острове привидений» Хашима. Хотя я и могла оставаться в курсе всех форм современного развития на большой земле, читая газеты и журналы, но адаптация оказалась гораздо труднее, чем я предполагала. Хашима всего в 15 километрах от побережья Нагасаки, и Рокуробеи мог предположить, что я бежала в этот город. Был только один город кроме Нагасаки, где я могла бы раствориться. Хиросима. Рано или поздно, Рокуробеи вычислит меня, но сейчас у меня есть что-то вроде преимущества.

Сама судьба стала моим помощником еще в поезде на Хиросиму. Какая-то женщина в вуали, сидела напротив меня, и мы разговорились. Ее звали Микио, и она только недавно приняла Ислам. Очень серьезно относясь к своей религии, она носила вуаль, которая закрывала ее лицо и волосы. Во время нашей беседы меня осенило, что чадра может быть полезна и мне. Я симулировала мой интерес к Исламу, а Микио, как ревностный неофит, явно желала склонить меня на свою сторону. После того как мы вышли из вагона на центральном вокзале Хиросимы, она привела меня в Исламский Центр Дамбра, неброское здание с небольшой ярко раскрашенной мечетью в пролетарском районе города. Микио поверила в мой рассказ о том, что я принадлежала ко второму поколению хибакүша. Мой рост и просторная удобная одежда скрывали мое положение, но она не сделала ни намека на это. Я сказала, что мои родители умерли, один за другим, с разницей в неделю, и ее муж, мусульманин турецкого происхождения, разрешил мне остаться в Центре, пока я буду готовиться к посвящению. Это было две недели назад, и за это время я почти не выходила на улицу, разве что ночью. Я знаю как безжалостен может быть тот кто гонится за мной. Я знала его на протяжении всей моей жизни. У Рокуробеи есть связи в полиции, в мире бизнеса, политики и якудза, эти шишки теневого мира. Я знаю как он богат, и я знаю о его

происхождении. Как враг он грозен, а я всего лишь надломленная двадцатиднолетняя женщина.

Последние несколько дней у меня появилось ощущение что я скоро разрешусь от бремени. Боюсь, что Микио заподозрила что-то. Будучи достаточно благоразумной, она ничего мне не говорит, но я вижу.

Воды вот-вот отойдут. Сегодня иду к доктору Канехари.

2

*Хиросима – Частная клиника доктора Канехари –
Мицуко и доктор Канехари – 10 марта 1995 года*

Определенно я чувствую себя в безопасности за чадрой, которая теперь закрывает мое лицо. По счастью, мусульманское население Японии небольшое и не привлекает большого внимания. Японцы притворяются что им не интересно. Мы нация благоразумных людей. Я беспрепятственно шла по улицам к доктору, к которому я с умыслом записалась на позднее время. В Исламского Центра Дамбра каждый мой день плотно занят, о чем заботятся их учителя, которые преподают бесчисленные исламские правила и практики, многие из которых достаточно спорны. Единственное время суток, которое я могу посвятить себе это ночные часы в моей комнате. Скоро я обнаружила, что могу легко выскользнуть из здания через боковую дверь, будучи единственным постоянным обитателем Центра. Найдя в телефонной книге номер доктора, я решила сказать ему чего я хочу без обиняков. Сначала он смутился, когда я сказала что не хочу рожать в больнице и что я не после аборта. Имея доступ к

телевидению на острове Хашима и к Интернету в течение всего последнего года, я знала что многие японские женщины прибегают к абортам по той причине, что противозачаточные лекарства нелегальны, и почти каждый практикующий врач гинеколог делает нелегальные аборт, так как это отличный источник недекларированного дохода и истинное благословение в виду недавнего краха японской экономики.

Я сказала доктору, что как мусульманская женщина я не хочу делать аборт, но моя жизнь в опасности после того как мой муж обнаружил что мой будущий ребенок не его, а дитя любви. Доктор проглотил эту историю. Я сказала еще что я не осмеливаюсь идти в больницу из-за страха перед моим мужем который может найти меня. Доктор спросил как мне удалось скрывать беременность до сих пор. Я выложила историю о том что мой муж пробыл в Турции в течение пяти месяцев пытаюсь спасти семейный бизнес и подготовить меня к воссоединению с ним на его родине. Доктор захотел знать что я собираюсь делать с ребенком. Мой ответ был прекрасен своей простотой: моя бездетная старшая сестра обещала заботиться о моем ребенке как если бы он был ее собственным. Кое-что не состыковывалось в моем рассказе, но разве не то же самое в любой истории и в любой жизни? В действительности, доктор Канехари был заинтересован только в значительной сумме предложенной за его услуги. Перед самым уходом в его частную клинику, я подошла к зеркалу чтобы хорошенько рассмотреть себя. Из-за моего роста, мой увеличившийся живот был едва заметен, тем более что я пребегла к помощи корсета. У меня были непрекращающиеся спазмы, и я молилась о том чтобы выжить до наступления темноты.

Я выносливая и я не потерялась несясь по улицам Хиросимы с картой в руке. Я сильная, но на грани отчаяния. Ночь теплая и влажная. Взглядывая на меня украдкой, прохожие подмечают мой рост и вуаль, но они продолжают

свой путь, торопливо, погруженные в свои собственные дела, свое прошлое, свои планы на будущее.

А я лишь бледный дух без всякого прошлого.

А мое будущее находится внутри меня.

Линзы очков доктора Канехари светятся мириадами крошечных солнц, отражая свет за его спиной. «Маленький укольчик», говорит он.

Что? Он ведь говорил мне об искусственных родах но ничего об инъекциях.

Я хочу приподняться и сесть на кушетке.

Слишком поздно.

Он сидит высоко, в гнезде грифона, с книгой в руках. Его любимое место для чтения и размышлений. В ясный день, из окон этого самого высокого жилого здания острова, видна гавань Нагасаки. Лодки проплывают время от времени, но ни одна из этих лодок не заходит в порт. По ночам, маленькая флотилия лодок доставляет нам все необходимое.

Это место было когда-то одним из более населенных на земле. Наш остров всего лишь четыреста метров в длину и сто сорок метров в ширину, однако, пять тысяч людей когда-то проживали здесь.

Время прилива. Я стою на берегу океана и озираю все кругом. Это самая узкая часть острова. Когда море бурное, такое как сейчас, волны разбиваясь, иногда достигают противоположной стороны. Я жду, когда море отступит, и бегу к высокому зданию грязно-серого цвета. На первом этаже, в дневном свете Хашимы всегда все выглядит мрачно, ведь старые многоэтажки из выветрившегося железобетона мшисто-

зеленого и графитно-серого цветов стоят так тесно друг к другу, что заслоняют дневной свет, а подъезд этого здания завален мусором, оставленным последней группой шахтеров, которые покинули остров двадцать лет назад. Каждый раз, входя во внутренний двор этого гнезда грифона, я чувствую, как эти пустые окна притягивают мой взгляд, напоминая о людях, которые когда-то жили здесь, словно эти люди оставили после себя некую концентрированную разновидность беспокойства. Жители большой земли говорят, что здесь водятся привидения, и возможно они правы. Порой, кажется, ты слышишь голоса, возможно вздохи, однако это ведь старое разрушающееся здание. Когда люди оставляют жилище, они оставляют после себя следы своих деяний, мечты и желания, стены начинают покрываться язвами, потолки трескаются, окна разрушаются сами собой. Здания Хашимы кажется, с каждым годом, испускают все больше и больше тьмы, угрозы и одиночества. Я карабкаюсь по лестнице, иду по коридорам. Большинство дверей в крошечные апартаменты отсутствуют или лежат на полу. В некоторых квартирах видны следы прежних обитателей: порванные обои, украшенные пастельными рисунками, старый телевизор пятидесятых годов, хрупкие чайные чашки, расставленные в круг на полу. Хрупкие, замкнутые на себе признаки в грубом окружении. Я смотрю через разбитое окно: за исключением зеленых пятен зарослей плюща, все серое. Небо покрыто облаками цвета старого льда. Для того чтобы взобраться на крышу мне придется воспользоваться внешней лестницей на верхнем этаже. Море сегодня выглядит особенно угрожающим, бурное и с этими высокими волнами, разбивающимися об укрепленные стены. Пирс, к которому ночью привязывают лодки, доставляющие нам припасы, затоплено соленой водой. Достигнув крыши, я вижу его сидящим там. Он установил экран для защиты от ветра, а вокруг его кресла книги. Одет он не в западную

одежду. Его черные *хаори* и *хакама*, длинная, в складку юбка-брюки, которую когда-то носили воины, все безупречно.

«Что ты сейчас читаешь?» Он заставляет меня нервничать, вот почему я не хожу вокруг да около, а он в большинстве случаев прощает мне это. Но мне ведь всего двенадцать.

«Книгу одного великого английского писателя. Слушай: *Чужд подлецу закон людской и божий, А лютый зверь и тот ведь знает жалость. Не знаю жалости - вот и не зверь я.*» Он ущипнул мою щеку своими длинными пальцами.

«Я хотела бы...» я замолчала. Хотя ему за пятьдесят, его волосы все еще черные и блестящие, и они зашпилены в узел на затылке в классическом самурайском стиле. Его худое овальное лицо невыразительно, но его глаза, черные как уголь и устрашающе блестящие, изучают мое настроение. За несколько месяцев до этого разговора, я спросила его почему у его глаз всегда какое-то стеклянное выражение. Он ответил что это имеет отношение к чрезмерной активности щитовидной железы или другого органа... я забыла где он находится. Он всегда подбрасывает мне золотые крупички знаний как угощение собаке.

«Ты хотела бы покинуть остров».

Я кивнула, стараясь избежать его пристального взгляда. «Я скучаю по маме и друзьям. Я хочу ходить в школу».

«От меня ты узнаешь больше чем любая школа может тебе дать».

Я не о том. Я хотела бы объяснить ему тысячу разных вещей, но я не могу, потому что они разбросаны в моем сознании как кусочки головоломки, а я не могу собрать их воедино. «Я хочу жить».

Он легко выпрямляет свои члены. Мой рост превосходит шесть футов, но его голова и плечи еще выше. Все его строение слегка согбенное, а его шея, его невероятно длинная шея, я не могу оторвать от нее глаз. по крайней мере до

некоторой степени. «Жить? Жизнь это путь каждого к своей цели и преодоление самого себя».

Твоя цель не моя цель, хочу я сказать.

Он берет меня за руку и тянет к перилам. Указывает на сельский ландшафт. С этого расстояния, гавань Нагасаки в сущности не видна, только несколько выпуклых темных форм напоминают о ее существовании. Сегодня никаких судов проплывающих мимо. «Ты не животное», говорит он, «но люди будут относиться к тебе как к животному».

«И к тебе?» я говорю не подумав.

Рука на моем плече становится тяжелее.

Прошло какое-то время, прежде чем он ответил. «Ко мне тоже, Вот почему я не знаю жалости».

Когда того как я очнулась после анестезии и видений Хашимы выплывающими из меня как вода и уступая дорогу реальности я вижу не лицо доктора Канехари и моего отца.

«Дочь моя...» его основательный голос звучит надломлено из-за хирургической маски. Он говорит что-то о *кику*, божественной хризантеме, символе *кикусуй*, императорской династии, но из-за смятения в моей голове и тошнотворной легкости в животе, мне трудно понять, о чем он говорит.

Что он делает? Он отворачивается. Я смотрю на его спину сквозь его белую одежду. Вспоминаю, я когда-то думала что тело моего отца сделано из покрытого жилками гранита.

«Дочь моя...» говорит он не оборачиваясь ко мне, «Неужели я сделал твою жизнь такой несчастной что тебе пришлось рожать как животному?» Его голос звучит как голос из сна докучающий тебе из глубин какого-то бурлящего колодца. *Рожать как животное?* Я хочу ответить, но не могу. Что тут можно сказать, если Рокуробеи настагает тебя?

*Хиросима – Монумент Мира – инспектор Такеда и его
помощник Акира – 10 марта 1995 года*

Каждый труп, с которым инспектор Такеда сталкивала его работа, заставлял вспомнить о его отце, но это изуродованное тело младенца найденного бригадой уборщиков у Монумента Мира – посвященного Садако Сасаки – напомнило ему о его матери. Когда Такеда был подростком, его мать рассказала о своем первом ребенке, которого она родила в Нидерландской Ост-Индии, в которого она бросила в лагерное отхожее место вскоре после рождения в 1943 с позволения японского охранника который напал на нее. Такеда, ее второй сын, избежал той же участи только потому, что его мать была все еще на восьмом месяце, когда женский лагерь Пангкала-Бали в Южной Суматре был освобожден после капитуляции Японии. В приступе меланхолии, Такеда пытается воссоздать Хьюберта Геррессена, имя которое Барбара Геррессен дала ему пятьдесят лет назад и которое он больше не носит.

Такеда не знает имени своего отца. Барбара Геррессен не знала его тоже или просто никогда не упоминала. Всю свою жизнь она наводила справки о нем, «этом блудливом самце». Настроения и воззрения его матери были чрезвычайно изменчивы, обо всем, вплоть до мучительных экспериментов, которым японские оккупанты подвергли ее и многих других женщин в том лагере. Если вы смогли соблазнить одного из охранников, возбудить его похоть, вы богаты. Нидерландский прагматизм Барбары почти предписывал это. В результате, плодовитое лоно вздулось во второй раз. Плод предназначался для отхожего места, как и раньше, однако освобождение встало на пути. После лагеря, Барбара Геррессен любила и ненавидела своего сына с невероятной силой всю оставшуюся

жизнь, не зная почему. Возможно, она слишком много думала о своем первенце.

Инспектор бездумно уставился на удлинённый кверху, как пуля, мемориал Садако Сасаке, двенадцатилетней девочке, которая стояла на мосту Мисаса, когда *Мальши* взорвался над ее головой и отравляющая радиация накрыла большой город как одеяло. Она умерла десятью годами позднее, от лейкемии. Последний год жизни Садако провела, складывая бумажных журавликов, так как ясновидящая предсказала, что девочка выживет, если сделает определенное количество журавликов -- Такеда не мог припомнить, сколько, он только помнил, что девочка сделала много, гораздо больше требуемого количество журавликов к тому дню, когда она умерла от злокачественных выпуклостей на ее шее и в горле. Все хибакүша подхватили эту традицию. После каждой школьной поездки, ватаги нервно хихикающих школьников оставляли целую гору прекрасно сложенных бумажных журавликов у ее монумента.

Инспектор опустился на колени перед раздувшимся комком человеческой плоти. Разноцветные бумажные журавлики кучей лежали возле крошечного трупика. Себе под нос, Такеда проклинал того, кто нашел это тело и позвонил в желтый таблоид *Шукан Гендаи* прежде чем предупредил полицию. Должно быть это был один из уборщиков, однако каждый из них отрицал это. Такеда уверен, что все они получили долю от вознаграждения. Такеда вычислил местного фотографа *Шукан Гендаи* и обвинил его во вмешательстве в расследование убийства и сокрытии улик с места преступления. Фотограф защищал себя настаивая на том что он пришел единственно с целью сфотографировать монумент готовя материал к пятидесятой годовщине *Мальши* и тогда, в процессе, он «наткнулся на труп». Как добропорядочный гражданин, он сначала сделал снимки, а затем дал знать бригаде уборщиков. А снимки появятся на первой странице таблоида под кричащим заголовком.

«Инспектор?» С настороженными глазами и в очках с толстыми стеклами, инспектор Акира появился за спиной у Такеды вытянувшись почти по-военному.

«Да?»

«Эксперты прибыли. Им нужно ваше разрешение начать работу».

В юности, волосы инспектора Такеды были цвета, который можно было определить как нечто среднее между блондиновым и рыжим, как у его матери. Сейчас его волосы можно назвать определенно седеющими. Его угловатые черты имеют тот прочный оттенок который отражает солнечный свет как начищенная медь. Такеда всегда считал ошибкой ту навязанную смесь рас, которая привела к его рождению. Большие, тяжелые кисти рук и ступни, широкие плотные плечи. Инспектор двигается как тренированный дзюдоист кем он и был.

«Подожди немного, Акира». Инспектор нагнулся к крошечному труп. Приглушенный свет под Монументом окрашивает потемневшую кожу младенца в оттенок форменной одежды. Тело выглядит как глиняная кукла которую выпекли при слишком высокой температуре. Голова вздутая и деформированная. Затвердевшая фиброзная ткань выступает из глазниц. Какой-то комок сырой плоти -- миндалина? -- какие-то бугры в безгубом рте. Маленькое голое тело имеет цвет и вид темного фаянса, однако промежность растянута и как белоснежный протуберанец, а яично-белые гениталии как подтаявший лед. Инспектор натягивает перчатки, но он не дотрагивается до трупа. Его рука делает мягкое движение над головой мертвого ребенка, затем над областью сердца, затем над пахом.

Акира отворачивается. Как современный японец, он питает отвращение к таким проявлениям, но раз за разом, подобные зрелища наполняют его пронзительным суеверным чувством и заставляют чувствовать мурашки.

Лицо Такеды остается невозмутимым, не принимая во внимание утверждение его коллег о том, что он имеет шестое чувство и ему сопутствует невероятное везенье, тем не менее, чувство, которое охватывает его, может быть лучше всего описано как чувство, которое человек испытывает за мгновение перед тем как разразится ураган. Какое-то электрическое покалывание пронзает его плечи слева направо. Он принимает такую силу боли и тревоги, которую он не испытывал никогда раньше.

4

Хиросима – Частная клиника доктора Канехари –

Мицуко и доктор Канехари – 10 марта 1995 года

«Ложная беременность», сказал доктор. Лицо моего отца, всегда такое непроницаемое и строгое, с этими глазами, которые кажется смотрят вовнутрь, отказывается покинуть комнату. Оно медленно проплывает как нечеткое пятно, но я чувствую его присутствие, и это ощущение такое сильное, что я начинаю сомневаться, что это лишь видение. Мои ноги такие холодные, а моя голова как будто поймана в безвоздушный пузырь, и в то же время все мои члены напряжены, готовые к побегу. Словно через бинокль, вижу капельки пота на лбе доктора, они светятся как кристаллы. «Что вы имеете в виду?»

Доктор взглянул на меня словно не понимая почему я задаю вопросы. «Ложная беременность. Редкость, но женщины страдающие ею обычно так отчаянно хотят забеременеть, что они испытывают все реальные симптомы. Тошнота, временами рвота, увеличение веса, интенсивная чувствительность груди, сонливость».

«Но...»

«Вы позвали меня», говорит доктор, «Вы не хотели удаления utробного плода. Вы желали иметь ребенка и отдать

его сестре. Только после того как я согласился я обнаружил что вы не беременны».

«Но я чувствовала как он пинался! Я разговаривала с...»

Канехари качает головой. Он пытается успокоить меня. Я чувствую что он что-то скрывает. «Ложные беременности часто связаны с истерией или даже временным умопомешательством. Психоз как результат долгого и интенсивного желания». Доктор кажется удовлетворенным своим последним наблюдением.

«Почему тогда вы меня положили?»

«Стандартная процедура», Канехари складывает ладони своих рук, «Вы должны понять, что при данных обстоятельствах, я обязан отработать свой гонорар, в соответствии с нашим соглашением. Я полагаю сейчас вы чувствуете себя достаточно хорошо для того чтобы покинуть клинику. Теперь вы знаете, что происходит, а ваше тело скоро придет в норму. Смотрите, вздутие уже исчезло».

Я слезаю с кушетки, чувствуя только легкое головокружение, не больше. А он ведь прав: хотя мой живот не совершенно плоский, он гораздо меньше, чем был сегодня утром. Даже отеки в ногах почти исчезли. Никакой боли между ног. Конечно, я видела отца когда очнулась от анестезии, но причиной должно быть лишь мое воображение, что вполне обычно после действия успокаивающих лекарств. Несмотря ни на что, я все еще не доверяю ситуации. Но если Канехари и мой отец украли моего ребенка, я чувствовала бы хоть какую-то физическую боль. Почти бессознательно я ощупываю свою грудь. Очки доктора меняют направление и смотрят в сторону. Я чувствую атмосферу отвращения. Возможно это опять лишь мое воображение. Напряжение, которое он излучает, ощутимо и туго как кожа натянутая на барабане. Но возможно что он просто боится возможных серьезных неприятностей для себя. Украдкой я бросаю взгляд на кушетку. Ни следа крови. Все

выглядит так же как до того как я заснула после инъекции.

«Который час?»

«Десять часов».

«Неужели проспала девять часов?»

Канехари фыркает «Реакция некоторых людей к снотворным препаратам сильнее, чем обычно. Ничего особенного. Вы голодны? Хотите пить?»

«Хочу пить, но не голодна».

«Явно вы чересчур чувствительны к анестезии. Мы проделали требуемую процедуру. Никаких ошибок». Напряженный взгляд доктора проследовал к двери.

Не в силах размышлять. Вдруг чувствую, что я не хочу идти обратно в этот Исламский Центр, но я также боюсь находиться на улице в дневное время суток. Я хватаю свою сумку. Канехари показывает мне дверь в ванную. Я умываюсь и одеваюсь. Чадру не надеваю, но кладу в сумку, на всякий случай. Когда я выхожу из ванной, вижу, что доктор ждет меня с руками плотно сжатыми в карманах его куртки. Молча, я отдаю ему оговоренный гонорар. Он ведет меня к выходу.

Я достаю мою вуаль. Замечаю, что он смотрит на нее. Я ловко заматываю свою голову в чадру, будучи уже чем-то вроде эксперта в этом.

Эта мысль приходит ко мне у самой двери. «Почему я не видела ни одной медсестры?» говорю я, «Вы сказали мы только что. Не хотите же высказать, что вы собирались принимать роды в одиночку ради сохранения конфиденциальности?»

Канехари не разжимает губ. Я вижу свое отражение в его очках: высокую задрапированную фигуру, которая вызывает в нем страх, отвращение и алчность.

*Хиросима – главный штаб полиции – инспектор Такеда и
главный комиссар Такамацу – 10 марта 1995 года*

Будучи *Орандайн* -- наполовину голландец -- Такеда был больше заботиться о себе в строгой иерархии японской полиции, чем его коллеги. Сразу же после осмотра места преступления, он поехал в полицейский участок своего района. Главный комиссар Такамацу принял его в своем кабинете. Такеда кланяется, главный комиссар кивает и жестом велит приступать к сути. Такеда делает подробный отчет. Как он и ожидал, комиссар серьезно озабочен. Сегодняшнее появление трупа он называет «варварским нарушением гармонии, которая царила в Городе Мира». Такеда предположил, что комиссар будет отвечать этим лозунгом, прежде чем газеты раздуют это дело. Такамацу постучал по своему письменному столу ножом для открывания писем. Он полагает, что Такеда был слишком либерален с фотографом из той газетенки. Затащить ублюдка в участок и вытрясти из него всю информацию! Словно сезонный фотограф, работающий на желтый таблоид, мог опасаться полицейских угроз, в то время когда он знает что полицейские не могут следовать своим угрозам буквально. Такеда прикусывает губу, кивает и сдержанно говорит что приказ комиссара будет неукоснительно исполнен и что он в дальнейшем будет менее осторожным с прессой. «Всегда, Такеда!» Такамацу заговорил торжественно, «Очень скоро, иностранцы заполнят город. Годовщина атомной бомбы! Я требую от вас эффективного и профессионального расследования и я требую результатов. Скорых! Не позволяйте этому грязному делу запятнать ваш послужной список». В углу кабинета, лакированные ножны офицерского клинка времен Второй Мировой Войны украшали стену, повешенные там самим комиссаром. Младшие офицеры утверждали что он владеет этим оружием с мастерством и скоростью

достаточными для того чтобы крошить *юзу* для приправы к его супу. И действительно, в этом кабинете все время пахнет цитрусовыми, однако Такеда уверен, что история с *юзу* не более чем выдумка. Типичный анекдот, один из тех что рассказывают в подпитии после работы когда никого из инспекторов нет поблизости -- Такеда исключение. Ибо Такеда всего лишь полу-иностранец. Вот почему этот инспектор не считает себя вышестоящим, несмотря на свой ранг.

Комиссар заканчивает беседу тирадой о «серьезных нарушениях» в общественном порядке привнесенных *шиньинруи* и их шутами, молодыми людьми которых экономический кризис бросил на произвол судьбы и которым ничего не остается делать кроме как слоняться и совершать преступления. Какое все это имеет отношения к мертвому ребенку, это пока тайна для Такеды, тем не менее он одобрительно кивает. Он знает, что Такамацу мечтает о карьере местного политика. Он спрашивает себя, не является ли в таком случае главный комиссар всецело в распоряжении могущественных ультра-правых организаций, которые все еще пользуются влиянием в Хиросиме -- так же как и в Токио и в Осаке, имея связи даже в силовых структурах.

«Можешь идти, Такеда», пролаял главный комиссар в заключение, «Не разочаруй меня!»

Такеда кланяется и замечает, что его руки безвольно свисают по бокам, когда он делает это.

Эти крупные руки. Руки убийцы, как говорит его жена.

6

Хиросима – Мицуко в поисках места для ночлега в большом городе – 11 марта 1995 года

Я не очень хорошо помню часы сразу после того как я покинула клинику. В неоновом соседстве Хиросимы я пала духом. Я почти не знаю этот город, так что я не уверена как на

самом деле называется этот район. Я вижу себя окруженной торговыми центрами заполненным людьми примерно одного со мной возраста, слоняющимися туда-сюда. Девушки одетые пестро и ярко, часто вызывающе. С первого дня моего прибытия на большую землю, я понимала, что мое знание общества ограничено гораздо в большей степени, чем я могла вообразить. Теоретические знания вводит в заблуждение. Только опыт формирует нас.

Через нескольких часов, будет темно, а я не знаю куда идти. К счастью, у меня с собой все мои деньги и вещи, так как я не смогла найти надежного места для того чтобы спрятать их.

Я решаю перехватить гамбургер, в каком-нибудь месте полном громкой музыки и кричащих красок. Мой отец всегда настаивал на традиционной японской еде. Я ослабила свою чадру, снизу, как учила Микио. Люди смотрят на меня, но я потупляю взор и взираю на окружающее меня сквозь опущенные ресницы. Гамбургер имеет вкус промокшего картона, Кола повергла меня в уныние. Если только мой отец прав насчет пищи, которую японцы предпочитают традиционной, может быть он прав, когда говорит что этой стране нужен новый лидер? Я смотрю вокруг и вижу улыбающиеся лица. Я не слышу смеха подобного тому на Хашиме. Все в этом заведении торгующем гамбургерами бодрые, беспечные и уверенные в себе.

А что за шум! Болтовня направо и налево льется, Бог знает откуда, извиваясь и пересекаясь сама с собой. Мои уши кажется скоро взорвутся. Кружится голова. Тоскую по шуму моря, как фон, и крик чаек -- но все эти люди вокруг меня, все те кто бегут по эскалаторам, врываются и выбегают, катятся на роликовых коньках, их неумолимое жизнелюбие высвобождает какое-то смутное и сильное желание внутри меня. Я не хочу возвращаться в Хашиму. Я хочу быть как они: носить яркие одежды, брить ноги, ходить на танцы в дискотеки.

Хиросима – Даи-Ики-Кангио Банк –

11 марта 1995 года

Автобус останавливается перед штаб квартирой Даи-Ики-Кангио Банка в восемь вечера. «Муниципальный Департамент Уборки» написано на автобусе. Здание солидное, идеально приспособленное для важного филиала этого крупнейшего банка Японии. Деловая активность гавани Хиросимы приносит много денег. Заседание продолжается с СЕО Даи-Ики-Кангио Банка который приехал из Токио. Два охранника в лобби позволяют трем мужчинам с контейнерами на спинах войти в здание. Мужчины одеты в маски и белые перчатки, предписанные для работы такого сорта. Формуляр содержит слова: истребление паразитов. Внутри лобби, мужчины вытаскивают пистолеты с глушителями. Они стреляют в охранников, надевают на себя противогазы и проходят коридоры, на ходу открывая вентили в контейнерах на своих спинах.

8

Хиросима – Мицуко проводит ночь в отеле Икава Риокан –

Добаши-Ко – 11 марта 1995 года

Настала ночь, а я не иду на танцы в дискотеку. Я иду в ближайший отель и снимаю комнату. Не могу уснуть, но это не удивительно. Я мечусь и ворочаюсь в постели. Мне не хватает знакомых изгибов моего живота, и я чувствую себя как привидение потерявшееся в чужом теле. Я выросла не с людьми, а с тенями и видениями легкими как чье-то дыхание сзади когда ты один. При таких обстоятельствах, девочка может создавать ее собственный мир -- мир, в котором все имеет свое значение. На Хашиме, книги и угольная пыль были той фокальной точкой вокруг которого, казалось, вращалось

все мое существование. Угольная пыль была повсюду. Этот остров был одной гигантской индустриальной руиной. Мой отец заботился о книгах. Они доставлялись оптом. Когда дело касалось книг, мой отец не ставил ограничений. Маленькой девочкой я любила бродить по галечный пляжу и читать у подножия стены которая окружала остров. Если вы смотрели с пляжа, чернеющие здания острова казались на грани падения. Люди называли этот остров *Гункан* или «линкор», из-за его очертаний. Это было место, которое заставляло тебя страдать одышкой из-за секретности, которая из него сочилась. Весь остров плотно застроен и там мало открытых пространств, если только они есть. Отец разрешал мне ходить на берег только в хорошую погоду. Каждый раз я была нагружена книгами как мул. Я была без ума от книг, потому что они могли сделать мир большим или маленьким, по вкусу, вмешиваться в судьбу наций, а также выискать твои глубоко запрятанные мысли, призрачные и неуловимые, как серебристые рыбы на дне глубокого озера.

Когда погода была плохая, я бывало сидела в старом кинотеатре, в котором большинство деревянных кресел были поломанными, а экран порван. Иногда я представляла себе персонажи из книг, которые читала, оживающими на экране, делающими мистерию из своих жизней, сражающимися друг с другом, любящими друг друга. То были моменты очень одинокие а также вызывающие ощущение мурашек, словно моя голова могла вместить гораздо больше чем мне хотелось бы. Все было покрыто пылью. Время от времени, ничем несдерживаемый ветер подбрасывал пыль в воздух, и она образовывала какую-то фигуру перед моим мысленным взором. Тогда я быстро переводила взгляд обратно на страницу. Книги защищали меня от реальности. Я помню их как хор бледных форм, иногда истеричных, иногда утешающих, возбужденно пророческих, беспокойных как звуки фортепьяно во тьме. Я всегда была уверена, что рассказы

вливают на ум человека: они посещают области мозга, которые недоступны для рационального. Рассказы заставляли людей видеть в моем отце Рокуробеи, демона классической мифологии. Его происхождение и то как к нему обращались также сыграет роль, но главная причина по которой он приобрел этот статус происходит из старинных рассказов и людских суеверий. Когда я была подростком, я также была уверена в том что он не вполне смертный человек. К моему отцу обращались как к богу его последователи, и он считал это в порядке вещей.

Память чудовищная вещь: я могу припомнить различные моменты в моей юности когда я была свидетелем его сверхъестественных способностей за работой, но только после того как я прочла отчет его личного врача, я осознала правду, или должна была бы осознать. Мне двадцать один, и даже сейчас я ловлю себя на том что я сомневаюсь.

Всю ночь я просражалась, улаживая дела и сводя счета с моим собственным прошлым. То одинокое существование, которое я делила с отцом, кажется, владеет мной сейчас сильнее, чем когда-либо. Осознаю, что сама эта характеристика, такая трудная для выражения в словах, есть то самое что делает моего отца таким непостижимым: он как существо, внезапно встреченное во сне, и в то же время он чистейшая реальность.

Я терзаюсь, размышляя о том, что мне делать дальше. Сообщества старой власти, которые мой отец эксплуатирует, могут действовать только тайно, однако их следует страшиться. Рокуробеи призовет каждого солдата своей сумеречной армии для того, чтобы отыскать меня. Я мысленно беседую с ним и прошу оставить меня в покое. Он остается бесстрастным словно древний языческий храм. Мои мысли невольно возвращаются к ребенку, который когда-то наполнял мое нутро. Я больше не уверена, что он был в действительности.

Однако, я все еще чувствую его.

Я разговаривала с ним.

Делилась своей болью и стыдом.

Это существо было крошечным и добрым. Понимающим и прощающим.

Оно было вселенной утешения.

Доктор Канехари настаивал что это существо никогда не существовало, а его очки, мерцая, подавали недвусмысленное послание, которое я не могла расшифровать.

9

Хиросима – Даи-Ики-Кангио Банк – ночь с 11 на 12 марта 1995 года

Ночная охрана прибывает в Даи-Ики-Кангио банк в 11 вечера. Офицеры секьюрити захвачены врасплох густым туманом в лобби. Сначала они находят двоих своих коллег, затем некоторых членов вечерней смены лежащих в собственных экскрементах и рвоте, с вывалившимися языками, искривленными лицами и еле видными зрачками их мертвых глаз. Позвали полицию. Минуту спустя, они сами охвачены сильными спазмами и тошнотой. Ко времени прибытия полиции, вся ночная охрана корчилась на полу, судорожно глотая воздух и извергая непереваренную пищу. Испуганные увиденным, полицейские не обратили должного внимания на аномальную влажность. Камеры видео наблюдения выведены из строя. Никаких записей. Полицейским стало нехорошо, и они тоже почувствовали судороги. Через шесть минут, судороги уступили место неконтролируемым приступам рвоты. Их глаза выкатились из орбит, легкие не справляются с работой. одному из полицейских удается воспользоваться рацией и предупредить своих товарищей. Перед входом в банк, собирается огромное количество полицейских. Все подходы к банку заблокированы. Ближе к утру, специальная команда в защитных костюмах обнаруживает то, что стало причиной

отравления: ацетонциангидрин смешанный с водой и автоматически распыленный в воздухе. В контакте с водой, ацетонциангидрин весьма токсичен. Контейнеры найдены. В приемной, найдены мертвые тела банкиров, приехавших на заседание. Здесь камеры видеонаблюдения выведены из строя тоже. После предварительного расследования, члены элитного подразделения объявляют, что на банковские сейфы покушения не было, но только дальнейшее подробное расследование подтверждает их отчет, впрочем, нарастают слухи о том что Даи-Ики-Кангио банк вовлечен во всевозможные теневые финансовые операции. Местная полиция настаивает на дальнейшем расследовании, но Национальная Гвардия не согласна. Начинаются трения. Инспектор Такеда назначен в специальную группу под командованием главного инспектора Хирасава.

Инспектор звонит жене. Становится поздно. Она принимает его сообщение с вежливостью воспитанного служащего в окошке офиса.

Такеда ковыряет зубочисткой в зубах. Он размышляет о прошлом. Он думает о настоящем. Он думает обо всем сразу.

Затем обнаруживает: образ мертвого ребенка у Монумента Мира все еще преследует его. Почему?